

О природе ужасного

Г.Р. Арутюнов

«Снежный человек» до сих пор для нас загадка. И не потому, что не хватает информации. Гоминологи, то есть те, кто изучает это существо многие годы, знают его, казалось бы, досконально, от головы до пят: знают, как он выглядит, как двигается, ест, пьет, где обитает, как ведет себя по отношению к человеку и так далее. В архиве смолинского семинара при Дарвиновском музее в Москве собраны тысячи свидетельств встреч с ним. Выходят книги и у нас, и за рубежом... Тем не менее новая информация порождает новые вопросы, а догадка о некоей тайне, окружающей неуловимое существо, перерастает в уверенность.

Лет тридцать назад, когда я занялся этой проблемой и прочитал в очерке профессора Б. Поршнева «Борьба за троглодитов» о случае с Иваном Сергеевичем Тургеневым, меня поразила реакция писателя на встречу со «снежным человеком»: он постарался забыть о ней и лишь однажды в случайно возникшем разговоре с Г. Мопассаном и Г. Флобером о природе ужасного увлекся и рассказал об этом эпизоде. Причем, вопреки привычке все записывать, Тургенев не оставил на бумаге ни слова о происшедшем, как будто в памяти у него поставили блок или воспоминание, было слишком мучительным. Дошел же до нас этот случай лишь благодаря Мопассану, который слово в слово записал рассказ Тургенева и назвал его «Ужас».

Вот эта история.

«Будучи еще молодым, Тургенев как-то охотился в русском лесу. Бродил весь день и к вечеру вышел, на берег тихой речки. Она, струилась под сенью деревьев. Вся заросшая травой, глубокая, холодная, чистая. Охотника охватило непреодолимое желание окунуться. Раздевшись, он бросился в воду. Высокого роста, сильный и крепкий, он хорошо плавал. Спокойно отдался на волю течения, которое тихо его уносило. Травы и корни задевали его тело, легкое прикосновение стеблей было приятно.

Вдруг чья-то рука дотронулась до его плеча. Он быстро обернулся и... увидел страшное существо, которое разглядывало его с жадным любопытством. Оно было похоже не то на женщину, не то на обезьяну. Широкое и морщинистое, гримасничающее и смеющееся лицо. Что-то неопишное — два каких-то мешка, очевидно, груди, болтались спереди; длинные спутанные волосы, порыжевшие от солнца, обрамляли лицо и развевались за спиной.

Тургенев почувствовал дикий леденящий страх перед сверхъестественным. Не раздумывая, не пытаясь понять, осмыслить, что это такое, он изо всех сил поплыл к

берегу. Но чудовище плыло еще быстрее и с радостным визгом то и дело касалось его шеи, спины, ног. Наконец молодой человек, обезумевший от страха, добрался до берега и со всех сил пустился бежать по лесу, бросив одежду и ружье. Страшное существо последовало за ним: оно бежало так же быстро и по-прежнему повизгивало.

Обессиленный беглец — ноги у него подкашивались от ужаса, уже готов был свалиться, когда прибежал вооруженный кнутом, мальчик, пасший стадо коз. Он стал хлестать отвратительного человекоподобного зверя, который пустился наутек, крича от боли. Вскоре это существо, похожее на самку гориллы, исчезло в зарослях».

Мне было непонятно, почему Тургенев старался потом не вспоминать этот случай. Ведь каждый писатель, по ироничному признанию одного из героев Чехова, это «*машина для переработки своих впечатлений и воплощения их на бумаге*». А тут впечатление очень сильное, буквально потрясшее Тургенева. Как же он, привыкший исследовать тончайшие движения собственной души, не попробовал заглянуть в нее в связи с этим случаем? Как не попытался разобраться, что это могло быть, если в считанные секунды оно буквально смяло всю его психику, превратило его, человека сильного, крупного (его рост был 192 см), мужественного, в охваченное паникой животное?

И вот с точно такой же панической, а затем отстраненной реакцией другого очевидца я встретился в 1983 году в Таджикистане, когда принял участие в экспедиции по поиску «снежного человека» или, как его называют криптозоологи, реликтового гоминоида. На туристской базе Варзоб, недалеко от Душанбе, где собирались подобные поисковые группы, я познакомился с Николаем Кломийцем с Украины, кряжистым, сильным и выносливым парнем. Зная, что Николай уже не первый год ездит на Памир в поисках гоминоида и что у него даже была встреча, я ожидал, что уж кого-кого, а именно его придется просто сдерживать.

Но когда я спросил Николая, что он ждет от нынешней поездки, он вдруг сказал:

— *Главное — залить еще пару хороших следов, а больше мне ничего не надо.*

— *Почему?* — изумился я. — *Ведь у тебя была встреча. Разве ты не хочешь встретить это существо еще раз?*

— *А страх?* — переспросил Николай.

— *Так чего же тут страшного?* — по тогдашней наивности спросил я. Снисходя к моему дилетантскому оптимизму, Николай улыбнулся:

— *Я тоже вначале, пока не коснулось, думал, что ничего страшного. А как коснулось, больше не хочу таких «радостей». Лучше уж гипсовый след приличный привезти, и нормально.*

Что же произошло с Николаем такого, повторения чего он больше не хотел? И почему об этом происшествии не любит вспоминать? Николай, правда, по профессии не писатель, а учитель, но воображением не обижен, да и поговорить любит и умеет. А вот рассказ про встречу из него никак не шел. И только в один из вечеров, когда он

разогнался на разных байках, то как бы по инерции рассказал и про это. Не без уговоров, конечно...

«Было это недалеко от озера Пайрон. Решили мы с крепким хлопцем Вовкой дежурить в палатке по очереди. Причем с условием — не брать с собой никакого оружия и техники, например, рации. Первую ночь дежурил он. Утром пришел весь белый. Говорит: «Пусть Коля идет. И если подтвердится то, что со мной было, тогда и я расскажу».

Я зарекся не спать, поэтому перед дежурством заранее отоспался. Сижу, слушаю. Вдруг в двенадцать ночи — шаги. Мягкие такие, но слышно. Открываю полог палатки — никого. Закрою, посижу — опять шаги. Все время палатку открытой держать нельзя, так нас инструктировали, чтобы не отпугнуть. Но другого выхода нет, раз не успеваю. Решил низ палатки, примерно сантиметров сорок, не закрывать. Думал: опять услышу шаги — высунусь и успею рассмотреть его прежде, чем убежит.

Немного посидел — опять шаги. Правда, далеко, еле слышно. Тогда я на коленях подполз к незастегнутому пологу и прижал голову к брезенту. Все просто; шаги будут ближе — высуну голову и увижу. Но тут началось непонятное... В середине живота закрутило, разлилось что-то холодное, в голове застучало, закололо. И накатило странное, сонливое, что ли, или еще что-то. Видимо, отключился, И, наверное, ткнулся носом прямо в полог, так что голова оказалась на улице. Сколько пробыл в таком состоянии, не помню. Потом подсчитал: наверное, минут сорок. Очнулся оттого, что меня кто-то гладит по щеке! На ощупь оно, это самое гладящее, твердое, как дерматин, Я спросонья — хлоп и накрыл то, что меня гладило!

Чувствую: рука, покрытая негустым волосом. Тут только до меня что-то дошло, и я заорал нечеловеческим голосом. И... потерял сознание. Когда пришел в себя вокруг никого, все тихо. Но так было мне тогда мерзко, так не по себе, что с меня хватит, встречаться больше не хочу».

Примеров подобного чувства страха и ужаса при встрече с гоминоидом масса. 1930 год, февраль. Дорога, идущая через лесной массив в 60 верстах от Чапаевскз (Куйбышевская область) В обозе среди сопровождающих студент из Московской области М. Лурье, который — позже в переписке с М. Быковой рассказал об этом случае. На одном из участков дороги лошади почему-то начали проявлять беспокойство, а затем понесли. На повороте одни из розвальней перевернулись. Стали и остальные. М. Лурье с другим сопровождающим, сотрудником ГПУ, вышли на дорогу размяться, так как ноги совершенно заоченели.

«Мы находились, — пишет Лурье, — друг против друга. Я лицом вперед по ходу движения, а он лицом ко мне. Мороз стоял звенящий, и мы молча притоптывали... Внезапно мною овладел цепенящий ужас. Взглянув в обращенное ко мне лицо спутника, я увидел, что он смотрит мимо меня за мою спину и черты лица его тоже искажены

ужасом. Ноги мои стали вовсе ватными. Я оцепенел, и сил повернуться или хотя бы повернуть голову назад у меня не оказалось. Но все-таки... боковым зрением, шагах в двенадцати — пятнадцати я увидел существо: двуногое, как теперь говорят, баскетбольного роста. С широко расставленными ногами, с руками, достигающими до колен, Широоченными — наверное, в два человеческих размера — плечами. Без шеи. Голова массивная, сужающаяся кверху. Обросшее шерстью... Черт лица я не разглядел, лишь увидел злобные, горящие красным огнем, два широко расставленных глаза. На все это видение ушла какая-то доля секунды.

Стоящий лицом ко мне сотрудник ГПУ выхватил из-за пазухи наган и несколько раз навскидку через мое плечо выстрелил в направлении существа... Попал он или нет, не знаю. Опять-таки боковым зрением я увидел бегущее к лесу существо. Ссутуленное, оно бежало, не сгибая колен, совершая руками взмахи синхронно движениям ног: правая нога — правая рука, левая нога — левая рука. Затем оно скрылось в лесу. Один из возчиков стрелял ему вслед из винтовки».

Другой пример. 1966 год, август. Лес примерно в 50 км к северу от Вологды. Сюда отправился, прихватив ружье в надежде, что попадутся рябчики, студент И. Староверов. Уже возвращался домой, когда вдруг налетел шквалистый ветер, деревья гнулись. Разразилась гроза.

«Внезапно, — пишет он, — меня охватил ужас: я почувствовал на себе чей-то взгляд... зарядил оба ствола дробью. Все время осматривался. Остановился в месте, где во все стороны можно было окинуть взглядом местность метров на двадцать — тридцать. При очередном шквале ветра обратил внимание на березку метра три высотой, которая росла от меня метрах в двадцати перед большой елью. При одном из порывов ветра она наклонилась так, что я увидел за ней странное существо, от которого далее уже не мог оторвать глаз.

Первое, что пришло в голову: леший! Хотя в него я, конечно, не верил и никогда о нем не думал. Существо стояло под елкой в метре от ствола. Правым боком ко мне. Хорошо была видна рука, вытянутая вдоль туловища, и плечо. Голова, находилась в ветвях елки. Ноги были скрыты травой и кустами. Рост существа до двух метров. Из ветвей меня буравил его взгляд. Он как бы „предлагал“ мне покинуть территорию. Было видно, как ветер трепал шерсть на нем. Цвет ее серо-бурый.

Взяв ружье в правую руку, я двинулся далее по дороге. Она подводила меня все ближе к существу — всего восемь — десять метров разделяло нас. До этого места я старался не смотреть на него прямо. Лишь фиксировал его фигуру боковым зрением, направив ствол ружья в сторону елки. По мере же удаления от него поворачивался в его сторону, а под конец шел задом. Существо не пыталось выйти из-под елки. Как только дорога пошла сквозь густой лес, я побежал. Никто меня не преследовал... До 1990 года никому о происшествии не рассказывал».

Еще один пример. 1982 год, лето. Таджикистан, кишлак Фарух, недалеко от реки Вахш. А. Новиков из Лабытнанги (Ямало-Ненецкий округ) приехал сюда в поисках гуля (местное название гоминоида) вместе с женой. Остановились в доме у хозяина, который сам видел гуля.

«Той ночью, — рассказывает Новиков, — я испытал ужас, равного которому до них пор не испытывал. Пробудившись неожиданно, я смог лишь открыть глаза, остальные движения были невозможны. Это был паралич страха. Он нарастал волнами, достигая апогея, когда сердце замирало, а затем выдавало толчок на грани своих возможностей. Пространство затемненной комнаты было искривлено.

Позже — я понял, что это были галлюцинации.

Окна почему-то поменялись местами, а за одним из них мерещился кто-то огромный. За первой волной ужаса накатилась вторая и начиналась третья. Я понял, что сердце может не выдержать, собрал все силы, сконцентрировался и... вышел из оцепенения. Затем, приподнявшись, что-то крикнул. Все мгновенно прошло. Ужаса как не было. Комната приняла свои обычные очертания. Я откинулся и сразу уснул. Утром у меня и в мыслях не было рассказать кому-то о пережитом.

И еще некоторые детали той ночи: была сальная непогода с ветром и дождем, собаки лаяли неистово, а утром хозяин сказал, что в кишлак приходили волки. Я же уверен, что приходил Он.

Про свои страхи я никому не рассказывал и начинал уже подумывать, что причина субъективная — съел что-то не то или погода там... Но однажды мы с женой гуляли, и у нас произошел такой разговор:

— Я все боялась тебе почему-то рассказывать, сказала она, — но в Фарухе со мной творились странные вещи. Ночью было очень страшно. Ощущение такое, будто в груди что-то растет, растет... Потом я теряла сознание на какое-то мгновение, приходила в себя, и все начиналось сначала. Потом ты приподнялся, что-то крикнул, и я сразу уснула. — С тех пор, — замечает Новиков, — я внимательно отношусь к тому, что не взвесишь и не измеришь линейкой».

Может быть, все эти страхи можно просто объяснить тем, что у испытывавших ужас людей слабые нервы, неустойчивая психика? Но вот совсем недавний пример, говорящий об обратном. Случай произошел с опытным охотником-медвежатником, не раз смотревшим смерти — в глаза. Летом 1989 года тот рыбачил на одном из северных озер. И вдруг заметил на склоне горы темную фигуру. Посмотрел в бинокль — огромное человекообразное существо.

Поехал домой за фотоаппаратом и сразу обратно. Июль: жара, мошкара. Склон пуст. Вылез из лодки, стал подниматься вверх к тому месту, где видел.

«Иду, — говорит, — обливаюсь потом, больше смотрю себе под ноги, куда ступить. Вдруг поднял голову и... чуть не наткнулся на него. Взглянул ему в глаза, и

меня всего страхом обдало, руки повисли, как веревки, ноги сделались ватными, того и гляди, подсяду. Какой там, к черту, фотоаппарат! — Только и смог, что отвести взгляд в сторону, потому что в глаза ему невозможно смотреть. Настолько он мощнее, сильнее, выше тебя... ну, не ростом, хотя и ростом, конечно, а как-то вообще. Ощущение, что ты как провинившийся ребенок. И только мысль бьется, чтобы не вздумал он меня жизни лишить, отпустил живым. Так я и стоял, не смея поднять глаз, пока не почувствовал, что он ушел. Только тогда пришел в себя, отдышался».

Но не все встречи со снежным человеком сопровождаются ужасом или даже просто страхом. Подобный случай произошел с девятиклассником Шуркой Сургучевым в сентябре 1975 года. Однажды он поехал на рыбалку на глухое таежное озеро. С ним был приятель, собака. Поставили сети, пошли к бору, где болото. Но в бор, собака их не пустила, загоразивала дорогу, рычала, даже за ногу приятеля цапнула, когда тот попытался ее обойти. Там, наверное, медвежья берлога, раз собака не пускает, решили ребята. Вернулись домой, а у Шурки это поведение собаки из головы не выходит.

Через несколько дней сел на мотоцикл и туда, на то озеро. Снял с плеча ружье и пошел к бору, где болото. Вдруг видит: прямо перед ним, метрах в 25, кто-то стоит. Громадное, похожее на человека существо, примерно 2,5 метра ростом. Темно-серое, все покрытое волосами. Голова прямо — из плеч. Подбородок сильный, но как бы вдавленный. Хорошо запомнил взгляд, который словно бы давил, останавливал, но при всем том был добр, спокоен.

«Я понял, — рассказывал потом Шурка, — что встретил хозяина леса и что он просил меня уйти. Страх я не испытывал».

Еще одна встреча, не подавившая психику очевидца, выпала на долю жителя Донецка, который приехал на Север в отпуск к родственникам. Пошел по ягоды на болото. Взял с собой собаку лайку.

«Смотрю, — говорит, — сквозь березнячок кто-то маячит. Присядет поднимется, присядет- поднимется. Такое ощущение, что вроде это человек и собирает что-то. И все ближе, ближе. Собака забеспокоилась: дернется чуть вперед и тут же вдруг хвост подожмет и назад, ко мне. А потом и вообще куда-то убежала. А мне стало интересно, кто же это такой приближается. И, наконец вышел на тропу, так что весь стал виден на расстоянии порядка десяти — пятнадцати шагов.

Внешне на гориллу похож, только крупнее. Лицо плоское, над бровями козырек такой, что за ним сначала и глаз-то не видно. Прямо навес! А поза: ноги полусогнуты, руки висят, грудь очень выпирает. И что странно — страха почему-то не было. Просто было интересно, что за существо такое...»

А вот типичный пример реакции людей, которые к появлению гоминоидов давно привыкли. В некоторых районах эти существа с давних времен живут возле человека,

кормятся и появляются возле жилья довольно часто. В архиве Российского объединения криптозоологов при Дарвиновском музее есть рассказ колхозника из небольшого села в Карачаево-Черкессии. Он пошел искать потерявшуюся козу и, проходя мимо огорода, вдруг увидел гоминоида.

«Алмасты (местное название существа), — рассказывает он, — сидел на корточках в картошке. Как человек, только весь волосатый да руки длиннее. Глаза красноватые. Вокруг бедер тряпка, завязанная сзади.левой рукой он держал часть тряпки, как фартук, а правой выкапывал картошку и клал клубни в фартук. Я еще сразу подумал: смотри-ка, ведь не портит картошку, как кабан, а подкапывает, как человек! Увидев меня, поднялся, перепрыгнул через канаву и ушел бурьяном».

Таким же районом давнего мирного сосуществования гоминоида и человека всегда была Карелия. В Петрозаводском комитете по изучению аномальных явлений «Сфинкс» накопилось много рассказов очевидцев. В некоторых деревнях, по словам сотрудника комитета Н. Беспаловой, у жителей происходят постоянные контакты с «лесными людьми». Причем издавна, поскольку об этом повествуют и местные предания, и легенды. Контакты настолько доброжелательные, что иногда «лесные» даже приходят на помощь человеку.

Так, в 1983 году во время рыбной ловли пятилетняя девочка упала в воду. Из лесу вышел хозяин (так местные называют гоминоида) бросился в воду и спас ребенка. Потом скрылся в лесу... Среди свидетелей — чуть ли не полдеревни, и если кто-нибудь из них и испытывал страх, то не перед гоминоидом, а за ребенка.

Значит, дело не во внешности. И причины страха и ужаса не в устрашающем облике этого существа. В конце-концов глаз может привыкнуть к любому внешнему безобразию (помните «Аленький цветочек» Аксакова?). Тогда, может быть, причина кроется в самой природе этого существа, в особенностях его организма, о которых мы еще пока так мало знаем?

О природе ужасного

Шерпы, благодаря которым существо, обитающее в Гималаях, получило имя «йети», считают, что встречи с ним приносят несчастье: могут повлечь за собой боязнь, увечье, смерть самого очевидца и даже его близких. На Памире в некоторых районах тоже бытуют такие поверья. И чабаны, особенно те, кто имел встречу, как правило, нехотя рассказывают о ней. Да и вообще не хотят говорить на эту тему.

Правда, все это можно было бы объяснить религиозным табу, тем, что они отождествляют гоминоида с нечистой силой. Вспоминать же о нечистой силе и тем более говорить о ней — значит навлекать на себя несчастье. Но здесь как раз табу — не причина, а скорее следствие, результат вековых наблюдений. Некоторые встречи с

гоминоидом, даже в тех районах, где контакт сложился исторически, действительно кончались плохо для очевидцев.

Так, на реке Сиама, притоке Йарзоба в районе Гиссарского хребта, наш попутчик, молодой учитель начальной школы в Душанбе, рассказал мне и Михаилу Трахтенгерцу, что его знакомый чабан, 67 лет, встретив в горах адами-явои (местное название гоминоида), сошел с ума.

Как происходит оно, это отрицательное воздействие? Наверное, каждый раз по-разному. Но есть одна закономерность: пострадавшими оказываются те, кто так или иначе, вольно или невольно пугает это существо или чем-то мешает ему. А то как бы мстит за свой испуг и дискомфорт.

Например, тот же чабан, по слонам учителя, встретив адами-явои видимо, подростка, поскольку рост существа был около полутора метров, — замахнулся на него посохом. Результат известен. Подобный по отрицательному результату случай приводит в своей книге «Легенда для взрослых» М. Быкова. Произошел он в Абхазии с одним из местных жителей.

«Накануне вечером, — рассказывает он, — наломал я табак и решил оставить листья до утра в поле. Но ночью стало дождить, и тогда мы с женой пошли за табаком. Было часа четыре... Вдруг слышим: в кукурузе что-то сильно шелестит. Вижу: по кукурузе к нам бежит черный, высокий, как столб, человек. В плечах полный, бежит прямо к зарослям ежевики. За ним земля сразу ниже на полтора метра, и с той стороны нас не видно. Перескочил он кусты ежевики, у самых наших ног с размаху плюхнулся.

Тут я увидел, что это вроде мужчина, весь черный, совсем без одежды. Лица я не рассмотрел, весь в длинных волосах. Я со страху хотел на него навалиться, а жена за рубашку схватила, назад тянет: «Да куда ты?» Тут я зрение потерял, будто куриная слепота напала, нагнулся, пытаюсь на ощупь схватить его, а его уже там нет. И снова мы услышали, как сильно зашелестело по кукурузе... Болел я после этого. Теперь не задерживаюсь в поле. Как только стемнеет, иду домой, пусть там хоть табак, хоть дождь! Второй раз не хочу, чтоб это повторилось».

Комментируя этот и другие подобные случаи, М. Быкова в своей книге делает вывод: *«При случайном выходе на него, если его потревожили, нарушили его покой, человек неизбежно испытывает потрясение, болеет. Хорошо известны случаи гибели после таких встреч. Подчеркиваю — это происходит при внезапном выходе на него. И совсем другое дело в случаях выхода самого животного на человека. Испуг есть, но без трагических последствий, быстро проходящий».*

Среди случаев гибели после встреч с гоминоидом можно предположительно назвать, например, смерть американца Роджера Паттерсона, снявшего в 1967 году в горах Северной Калифорнии единственный пока документальный фильм. Он умер от

рака мозга, не дожив и до 45 лет. Как ни странно, в том же, 1967 году, уже в Грузии, в плавнях реки Алазани, перед экспедиционной группой, затаившейся в засаде, появился каптар (местное название гоминоида). В составе группы был антрополог, профессор А. Мережинский. Нервы у него не выдержали, вместо фотоаппарата, а он выхватил револьвер, заряженный ампулами со снотворным, и выстрелил. В каптара он не попал, а сам через некоторое время заболел и умер,

Подобные случаи негативного воздействия отмечаются постоянно в разных районах. Так, по свидетельству руководителя Санкт-Петербургской группы гоминологов, доктора биологических наук В. Сапунова; в воинской части на Карельском перешейке, которую очень часто посещал «огромный, волосатый, не то зверь, не то человек», наблюдались странные и неприятные последствия встреч с ним: *«Весь последующий день после встречи солдаты жаловались на головные боли, повышение температуры»*.

Таковы факты. Вот почему Борис Федорович Поршнева, первый в стране начавший фундаментально исследовать проблему «снежного человека», писал в своем труде «Борьба за троглодитов».

«Надо ли назначать денежную премию за доставку трупа убитого „дикого человека“? В большинстве случаев это не дает эффекта, ибо жители не умеют добывать такого зверя и рассчитывают, что сделка неразумна, так как и охотник, и его дети должны будут погибнуть от совершенного святотатства».

Вот почему Иван Сергеевич Тургенев, испытав потрясение, не хотел больше даже вспоминать о пережитом, не то чтобы писать.

По той же причине и общительный человек, и прекрасный рассказчик Николай Коломиец тоже избегает возвращаться к случаю на Памире, когда он поймал за руку самку гоминоида. Видимо, каждый раз воспоминания вызывают такое же непередаваемое чувство ужаса, которое возникало при встрече с ним.

Об ужасе, сопровождавшем встречи человека с гоминоидом, известно с древнейших времен, когда формировалась мифология. В ней и обрел свое место «снежный человек» в образе лохматого бога Пана. Отсюда выражения «панический ужас» и «панический страх», дошедшие до наших дней. Те же черты — волосатость, вздернутый нос, красные глаза, вдавленный подбородок, та же среда обитания дремучий лес, та же мгновенность перемещений и тот же способ общения — свистом.

И что еще объединяет реальное существо и мифическое, так это дар к внушению, а может быть, и к телепортации. Пану, во всяком случае, приписывали способность неожиданно исчезать и появляться там, где не ждали, *«кружить голову, водить за нос»*, превращаться в дерево, животное или человека. То же описывается и в наших легендах о лешем, которые приводит в своей книге «Леший по имени обезьяна» один из руководителей смолинского семинара Д. Баянов.

В архиве смолинского семинара, помимо легенд, есть и немало современных рассказов об исчезновении гоминоида, который *«только что был здесь»*, или *«превращении его в корову, собаку или даже в соседа по деревне»*. Очевидно, речь идет не о реальном превращении или исчезновении, а внушении, благодаря которому гоминоид становится невидимым для человека или кажется ему чем-то иным: камнем, животным или человеком.

Почему же природа одарила суггестией дарам внушения — именно гоминоида — существо, стоящее вроде бы ниже человека на лестнице эволюции? Ниже нас... Да, раньше мы так и считали. Теперь начали размышлять и усомнились.

Оказалось, что до развития речи, до формирования словесного языка человек повсеместно обладал параспособностями: телепатией, ясновидением, суггестией. Первым в мире эту догадку высказал Б. Поршневу в книге «О начале человеческой истории», вышедшей в 1974 году.

Получается странная вещь. **Речь, которая казалась нам до, сих пор безусловным благом с точки зрения эволюции, чем мы так гордились, возглашая, что только человек в природе говорит и тем выгодно отличается от всех других бессловесных тварей, теперь видится «костылем», из-за которого человек разучился ходить!** Другими словами, за способность с помощью языка произносить символы мы заплатили утратой интуитивного восприятия окружающего мира. Речь, переключив наш мозг на работу левого, логического полушария, отгородила нас от природы. И в то же время ее Величество речь не сумела полностью вывести из строя наше правое полушарие, ведающее подсознанием, не сумела выключить его. Оно осталось в рабочем состоянии, в то время как рычаги управления им рассыпались в прах за ненадобностью. И любое существо с даром суггестии, будь то животное или человек, может завладеть нашим подсознанием и внушить нам что угодно. Иначе говоря, взять управление нами на себя.

Что делает опытный суггестолог во врачебном кабинете, когда хочет, чтобы человек избавился от вредной привычки — курения, пьянства или наркомании? Внушает омерзение. И тут подсознание начинает творить, включая гамму омерзительных ощущений: и зрительные, и слуховые, и вкусовые, и обонятельные, и осязательные. Привлекаются и те интуитивные ощущения, которые есть в подсознании, но о которых мы забыли с тех пор, как научились говорить. Поэтому стоит пациенту вспомнить, о сигарете или рюмке, весь ад врывается ему в душу, миллион змей впивается в каждую клетку.

Что же касается природы воздействия гоминоида на человека, то здесь любые домыслы будут лишь слабой догадкой. Ведь если суггестолог, стараясь избавить больного от вредной привычки, внушает ему отвращение к ней в соответствии со своим представлением об отвращении, со своей долей фантазии, то что может внушить гоминоид? Какое мы имеем представление о его подсознании? Что мы знаем о его

фантазии, его гамме ощущений, его восприятию, его способности воздействовать на наше подсознание?

Говорят, наше правое полушарие мозга, ведающее подсознанием, своего рода окно в бездну пространства и времени, нашего прошлого и будущего, в бездну, в которой есть свои Вселенные. И вот представьте, что это окно в ваше сознание вдруг распахивается. Сможет ли выдержать открывшееся зрелище наше бедное ограниченное сознание, если возникает перегрузка по всем пяти чувствам? Когда в электросети скачет напряжение, сгорают предохранители. То же самое происходит с нами. Либо психика на энергетический удар реагирует полным отключением, и человек умирает от ужаса; либо частичным и он теряет сознание; либо в компьютере мозга сгорают участки нервных клеток, и человек сходит с ума.

К счастью, природа предусмотрела беззащитность разума перед информацией, которая может его сжечь. Она придумала страх и ужас, как две ступени предчувствия опасности, предупреждение организму, что нужно профилактическое отключение. Вот почему, когда Флобер и Мопассан слушали рассказ Тургенева об испытанном им ужасе при встрече с дикой волосатой женщиной, оба пришли к выводу: **природа ужасного — в неизвестности, которую нельзя оценить, так как не с чем сравнить**. Внешне гоминоида, конечно, можно сравнить с медведем, крупной обезьяной или даже с человеком баскетбольного роста. Но интуитивное ощущение его как особого существа, ощущение, его природы, нельзя сравнить ни с чем. Это действительно нечто неведомое. Дело не только в даре суггестии.

Есть вещи менее понятные. Известна история Заны — дикой волосатой женщины, пойманной в 60-е годы XIX века на Северном Кавказе и долгое время жившей в имении князя Генабы — селе Тхина Очамчирского района, в 78 км от Сухуми. Известно и то, что у Заны от местных мужчин рождались дети. Сама она умерла в 1890 году, а младший сын ее Хвит сравнительно недавно — в 1953-м. Поисками могил Заны и ее детей занимался вначале Б. Поршнева, а затем один из самых активных наших гоминологов И. Бурцев. Вот его рассказ о странных явлениях, с которыми довелось столкнуться:

«Еще в 1977 году я пришел к выводу, что искать гоминоида и общаться с ним можно с помощью экстрасенсов. Они помогали мне и в поиске могил Заны и ее потомков в Абхазии. Одна женщина-экстрасенс подошла к могиле Хвита и сказала: „У него очень сильное, агрессивное поле, и он очень недоволен тобой, он на тебя очень сердится, буквально размахивает костями“. А надо пояснить, что эта могила уже много лет пустовала. Останки Хвита были мною извлечены из нее еще в 1974 году. И раскопки сопровождались загадочными событиями и обстоятельствами. Абхазцы недаром говорят, что нельзя раскапывать „костики“, тем более мужчин. Обязательно, говорят, будет что-то нехорошее: дождь, гроза или что угодно. Я

тогда, конечно, посмеивался, думал, мол, ерунда все это, предрассудки. Но то, что произошло дальше...

Когда стали раскапывать могилу Хвита, было совершенно безоблачное небо. Ни облачка, ни ветерка. Пекло так, что мы даже разделись. Но, когда добрались до костей, когда почти все их уже извлекли, погода резко изменилась. Прямо, как говорят, „гром с ясного неба“. Мгновенно неизвестно откуда появились тучи, и начался такой проливной дождь, что едва успели кости оттащить под навес. Промокли до нитки. И тут только до меня дошла ненормальность всего происходящего. Неужели случайное совпадение? Я был просто потрясен.

А перед дорогой в Москву, куда я должен был везти останки Хвита на обследование, вдруг заболел странной болезнью — чем-то вроде лихорадки с температурой от 39 до 40 градусов. Причем то в жар бросает, то в холод. В Москве две недели пролежал в больнице. Врачи не обнаружили никакого вируса, но решили, что это москитная лихорадка. Болезнь, последняя эпидемия которой была у нас в Крыму в 1918 году! Откуда, каким образом? Никакие москиты меня не кусали — их просто не было. Приятели шутили: — мол, это месть фараонов. Месть не месть, на как все это объяснить?

Уверен, у этих существ более сильное биополе, чем у нас. И они, возможно, большую роль играют в природе, чем люди, теснее, чем мы, связаны с какими-то силами, нам неведомыми... Поэтому вряд ли что-то от себя выдумала женщина-экстрасенс, когда возле пустой могилы Хвита сказала, что он на меня сердится. Ведь и после истления тела в могиле от человека что-то остается, какая-то информация...

Не менее странная вещь произошла дальше. Когда я спросил женщину-экстрасенса, где могила Заны, и она стала настраиваться на поиски, ей вдруг стало очень плохо, ее стало рвать. Но стоило нам отойти от кладбища, у нее все прошло. Попытались вернуться, опять все начинается. Говорит: „Мне не дают, мне не позволяют...“ Кто мешал ей показать мне могилу Заны? Пришлось эти поиски прекратить».

Объяснения подобным явлениям пока нет. Остается фантазировать. Например, несколько лет тому назад группа киргизских геологов попала в одно из горных ущелий массива Кекиримтау и через день вынуждена была покинуть его из-за постоянных головных болей и нарастающего чувства страха.

«Он может программировать пространство, — на полном серьезе сказал мне, узнав про этот случай, знакомый физик. — Любая местность, как и вода в стакане, имеет память. Так что для изгнания непрошенных гостей гоминоиду нет надобности самому постоянно находиться в ущелье, достаточно из другого места видать несколько импульсов угрозы».

Можно, конечно, воспринять это утверждение как шутку или просто фантазию. В конце концов, какой же силы должен быть энергетический импульс, чтобы на большой территории повсюду воздействовать на людей? Но недавно, перечитывая протоколы разных лет о встречах с гоминоидами, я поймал себя на том, что мысленно отмечаю про себя одну его странную привычку: там, где овцы, он подкарауливает маток во время окота; там, где лошади, кобылиц, готовых родить. Зачем? Оказывается, он поедает плаценту, или, как ее еще называют, «послед», — то есть оболочку новорожденного, в которой он находился во чреве матери. Об этой привычке гоминоида еще в конце семидесятых рассказывали руководителю смолинского семинара Жанне Иосифовне Кофман кабардинцы, о ней упоминает и таджикский этнограф О. Муродов, о том же не раз слышал и И. Бурцев от очевидцев в Азербайджане. Впрочем, разве это что-нибудь объясняет? Мало ли каковы вкусы разных животных нашей планеты, тем более таких уникальных...

И вдруг я осознал причину моего подсознательного интереса. Вспомнил, что именно о плаценте необычные вещи рассказывал в интервью журналу «Атеистические чтения» заведующий кафедрой гистологии и эмбриологии Крымского мединститута профессор А. Брусиловский, подчеркивая уникальность плаценты по всем параметрам. Уже древние египтяне считали плаценту обиталищем души человека и во времена торжественных шествий впереди фараона несли знамя с изображением его царственной плаценты. Именно через нее идет обмен информацией между организмами матери и ребенка, постоянно общающимися, но в то же время самостоятельными, поскольку кровь их благодаря разделяющей ткани плаценты нигде не смешивается. Значит, обмен информацией идет на энергетическом уровне. Состояние плаценты, говорит А. Брусиловский, в такой степени отражает особенности плода, что плаценту образно называют его визитной карточкой.

Но если мы сейчас признаем, что материя, даже самая неодушевленная, имеет память, то почему не допустить, что в плаценте заложена память набора энергии? Ведь появление каждого нового органа невозможно без всплеска энергии. Этими всплесками и заряжена плацента. Значит, «карауля» плаценту, гоминоид ожидает не просто кусок плоти себе на обед, ведь мясо он, как правило, не ест, а нечто недостающее ему, как приемнику — батарейки. При его даре к суггестии и мгновенным перемещениям, требующим массы энергии, он интуитивно ищет ее где только может, в том числе и в пище. Недаром же йоги говорят: мы то, что мы едим.

С гоминоидами связано много и других загадочных явлений, по которым можно строить новые гипотезы. Об этом думал великий шведский естествоиспытатель Карл Линней, который за год до смерти, в 1777 году, писал:

«Если уж вызывает удивление жизнь обезьян, то о троглодитах — так он называл гоминоидов, не отождествляя их с человеком, — сходящих весьма с родом

человеческим, без изумления ни один естествоиспытатель рассуждать не может. Посему удивляться должно, откуда-то произошло, что человек, имея свойственное ему любопытства, оставил сих диких доселе во тьме и не хотел нимало вникнуть в их существование. Не меньшую пользу приобрел бы себе философ, ежели бы провел несколько дней с одним из сих животных, дабы изведать, насколько человеческий разум от его разума отличается, откуда открылось бы различие между бессловесным и Словесными тварями».

А действительно, насколько?

Герман Арутюнов

Журнал «Природа и человек»

Тел. - 8-909-934-17-08

Мой сайт в Интернете – герман-арутюнов.рф

02.04.2019